

Ауеуу

Часть I

Еще до того

Глава первая

Все понятно

Обычно каждый, кто оказывался тут впервые, начинал плакать. И эта девушка выглядела так, будто тоже не станет исключением. Она вошла с портфелем и деловито пожала руку Грейс, как и полагается истинному профессионалу, каковым она являлась или, по крайней мере, хотела казаться. Затем девушка присела на кушетку, закинув затянутые в саржевые брюки ноги одну на другую. А потом, как будто внезапно осознав, где находится, восторженно выдохнула.

— Ух ты! — Девушку звали Ребекка Уэйн (за несколько минут до встречи Грейс проверила это дважды). — Мне не приходилось бывать в кабинете у психоаналитика с тех пор, как я окончила колледж.

Грейс, сидя, как обычно, на стуле, скрестив ноги, которые были куда короче, чем у ее гости, не удержалась и подалась вперед.

— Тут все так странно и необычно! Как только сюда заходишь, сразу хочется начать орать во всю глотку о самом сокровенном и рыдать.

— Салфеток здесь хватает, — улыбнулась Грейс.

Сколько же раз она сидела вот на этом самом стуле, скрестив ноги совсем как сейчас и прислушиваясь к набирающим силу рыданиям. А плакали тут так часто, что однажды ей представилось, будто кабинет полностью оказался под водой. Совсем как в одной из сказочных историй Бетти Макдональд, которые Грейс так любила в детстве. Там девочка-плакса никак не могла остановить-

ся, пока не оказалась по горло в слезах. Когда в кабинете начинал царствовать гнев, — и неважно, выразалось ли это в крике или в ядовитом упорном молчании, — ей представлялось, будто стены, выкрашенные в безобидный кремовый цвет, темнеют от этой ярости. Когда же побеждало примирение и торжествовало счастье, ей иногда чудился аромат сосновой хвои, как летом на озере.

— Это всего лишь самая обыкновенная комната, — ободряюще произнесла Грейс. — С самой заурядной мебелью.

— Верно. — Ребекка осмотрелась, словно в поисках подтверждения этих слов. Комната, служившая кабинетом, где Грейс давала консультации, была обставлена с величайшей тщательностью, чтобы одновременно отвечать нескольким требованиям. Она достаточно уютная, но не располагает к панибратству, домашняя, но не задевает личность гостя, а некоторые детали были хорошо знакомы каждому посетителю. Например, висевший у двери плакат с репродукцией Элиота Портера — фото с березами — разве не у каждого где-то в свое время обязательно красовался точно такой же? Может, в спальне или летнем домике... Или красный безворсовый коврик на полу, бежевая кушетка или кожаное крутящееся кресло самой Грейс. Тут же стоял стеклянный журнальный столик с пачкой салфеток в кожаной подставке, в углу расположился сосновый письменный стол. В его ящиках хранились блокноты с отрывными листочками, а еще списки психофармакологов, детских психологов, гипнотерапевтов, помогающих бросить курить, агентов по недвижимости, агентов из бюро путешествий, специалистов по минимизации налогов на имущество, адвокатов, специализирующихся на разводах.

На письменном столе в причудливой глиняной кружке, которую слепил в первом классе ее сын Генри, топорщились ручки и карандаши. Эта кружка в течение лет много раз становилась объектом для пространных комментариев. Каких только воспоминаний из прошлого она не вызывала у посетителей! Здесь же стояла и белая керамическая лампа с холщовым абажуром, бросающим рассеянный свет на все происходящее в комнате.

8 Единственное окно выходило на задний двор и перелук, но рассматривать там, в общем-то, было нечего.

Правда, как-то раз, много лет назад, была предпринята попытка установить здесь декоративную кадку с яркими, но незатейливыми цветами, геранью и выюном. Управляющий охотно подписал соглашение, но его энтузиазм моментально угас, когда пришлось перетаскивать цветы в деревянной кадке из грузовика на их постоянное место в переулке. Потом оказалось, что цветам здесь не хватает солнечного света, да и сама кадка вскоре куда-то пропала, оставив после себя темный квадрат на асфальте, который никак не хотел исчезать. Впрочем, Грейс не была большой любительницей цветов.

Правда, сегодня она принесла цветы, темно-розовые розы, по особой просьбе Сарабет, которая с приближением знаменательного дня все больше и больше старалась контролировать каждый шаг Грейс. И та должна была купить по поводу сегодняшней встречи не просто цветы, но обязательно розы и непременно темно-розовые.

Темно-розовые розы. Но почему? Грейс это озадачило. Не думала же Сарабет, что фотограф станет делать цветные снимки. Неужели и без того недостаточно невероятно, что журнал «Вог» заинтересовался ею и поместит на своих страницах черно-белое фото? Но Грейс сделала все так, как ей велели, и поместила цветы в единственную вазу, которая обнаружилась в крохотной кухоньке при кабинете. Эта ваза оставалась здесь после какой-то давнишней доставки цветов. (По какому случаю приносили цветы? Благодарность за лечение? «Спасибо-доктор-что-подсказали-мне-бросить-его»? Или от Джонатана?) Она распушила букет, но получилось как-то не очень аккуратно и совсем не привлекательно. Теперь цветы стояли на краю низенького журнального столика, и ваза грозила опрокинуться в любой момент, как только ее заденет пола громоздкого шерстяного пальто Ребекки.

— А знаете, — начала Грейс, — вы правы насчет рыданий. Человеку требуется преодолеть многое, чтобы отважиться прийти сюда. Или, как мне известно из моей практики, привести свою вторую половинку. Поэтому когда кто-то наконец переступает этот порог, он дает выход своим эмоциям. И это вполне естественно и нормально.

— Ну, может быть, в другой раз, — произнесла девушка.

Грейс прикинула, что на вид ей лет тридцать, плюс-минус. Довольно симпатичная, может, чересчур серьезная. Одежда на ней была нестандартная — крой позволял скрыть отдельные недостатки фигуры. Ребекка обладала пышными формами, но одежда создавала иллюзию мальчишеской стройности. Белая ситцевая рубашка словно специально была так скроена, а саржевые брюки заставляли предположить, что у их обладательницы имеется некое подобие талии. Ее наряд демонстрировал победу иллюзии над здравым смыслом и, очевидно, был изготовлен мастером, который четко представлял себе, какого эффекта нужно добиться. Хотя если ты работаешь в журнале «Вог», тебе часто приходится встречаться с такими людьми. Так решила Грейс.

Ребекка порылась в портфеле, стоявшем у ее обутых в сапожки ног, извлекла оттуда допотопный магнитофон и поставила его на стеклянную столешницу журнального столика.

— Вы не возражаете? — осведомилась она. — Понимаю, это настоящая древность, но мне так нужно для надежности. Я как-то раз потратила четыре часа на интервью с одной поп-звездой и при этом не была уверена, что та умеет изъясняться полноценными предложениями. Поэтому я взяла с собой одно из этих приспособлений космического века размером со спичечный коробок. Но когда я потом попробовала воспроизвести запись, там не оказалось ровным счетом ничего. Пожалуй, это был самый жуткий момент во всей моей карьере.

— Видимо, да, — кивнула Грейс. — Но, очевидно, вам удалось справиться со своей неудачей.

Ребекка пожалала плечами. Ее светлые волосы были подстрижены так, что на голове образовалась беспорядочная копна. И еще она носила серебряное ожерелье, охватывающее шею на уровне ключицы.

— Я сделала все ее фразы слишком заумными, а она совсем спятила и не соизволила даже утвердить текст, когда я передала его для проверки. Сказать, что я волновалась, значит, ничего не сказать. Правда, ее агент сообщил моему редактору, будто эта звезда призналась, что это ее лучшее интервью, так что в тот раз я оказалась на высоте. —

10 Ребекка в упор посмотрела на Грейс. — Вы знаете, —

продолжала она с легкой улыбкой на губах, — а ведь сдается мне, не нужно было все это сейчас рассказывать. Вот вам и еще одно воздействие визита к психоаналитику. Стоит только сесть на кушетку в его кабинете и тут же начинаешь выдавать всю подноготную.

Грейс улыбнулась.

Ребекка нажала на кнопку магнитофона. Раздался отчетливый щелчок. Она еще немного порылась в портфеле и достала старомодный блокнот для стенографических записей и свежие гранки будущей книги.

— У вас моя книга! — воскликнула Грейс. Блокнот был новехонький — странно, что кто-то еще, кроме нее самой, пользуется таким. Как будто все происходящее было подготовлено лишь для того, чтобы удивить Грейс такими вот вещичками.

— Разумеется, — спокойно отозвалась девушка. Казалось, профессионализм и способность держать ситуацию под контролем мгновенно вернулись к ней.

А вот Грейс повела себя как маленькая. Не сумела сдержаться. Ей было так необычно видеть книгу такой, какой она должна быть. Ее книгу, правда, еще не настоящую, но готовящуюся вот-вот увидеть свет, буквально в новый год, уже совсем скоро, да и время выбрано удачное. На этом настояли ее агент Сарабет, редактор Мод и публицист Дж. Колтон (да-да, Дж. Колтон — это ее настоящее имя!). Даже после месяцев доработки теперь уже есть самые настоящие гранки (их даже можно потрогать, и это убедительно), договор, чек (деньги тут же положены на счет в банке, словно они могут внезапно испариться), внесение в каталог, — все это весьма реалистично, и, как говорится, «и это происходит со мной». Прошлой весной она провела презентацию на конференции по продажам у издателя, где присутствовала целая плеяда репортеров. Они непрерывно что-то записывали и скалились на нее, а потом некоторые тайком подходили к ней, чтобы проконсультроваться по поводу собственного неудавшегося брака. (Что ж, решила она, к подобному, наверное, придется привыкнуть.) За год до этого невероятного дня Сарабет звонила ей чуть ли не каждый день и сообщала нечто совсем уж фантастическое. Эта книга нужна. Ее хотят.

Ее снова хотят. Еще предложение... нет, сразу два... нет, уже три. Потом она переходила на какой-то свой непонятный жаргон, и Грейс уже ничего не понимала. Эти хотят предвосхитить, а эти этажи попутали. Какие этажи? Этим надо аудиовариант, а этим цифровой, потом нужно кое-кого подмазать, чтобы пролезть в нужный список (она так и не поняла, что за список, пока не подписала договор). И все это никак не укладывалось в голове. Уже несколько лет Грейс читала лишь о том, как издательское дело умирает. А здесь все живет, дышит и пульсирует. Книжная индустрия движется вперед, и нет никакого разлагающегося трупа наподобие сталелитейных заводов и золотых приисков. Как-то раз она заговорила об этом с Сарabet. Тема поднялась на третий день книжного аукциона, когда запоздалая заявка вызвала настоящую бурю и шквал новых ставок. Разве издатели еще не перестали существовать? Так во всяком случае пишут в журналах. Сарabet от души расхохоталась. Да, издательское дело затухает, уверила она Грейс, но эта новость ее даже радовала. Потому что это лишь в том случае, если ты не сумела ухватить дух времени. А здесь речь идет о книге «Ты же знала». О ее книге. Которая в ближайшем будущем захватит дух времени.

Грейс потребовалось целых два года, чтобы написать эту книгу. Она сидела, раскрыв ноутбук, за этим письменным столом в углу и работала в промежутках между приемами пациентов. А еще за столом в спальне, в доме у озера. За дубовым столом в старых темных пятнах от воды, у окна с видом на причал. И за стойкой на кухне в городском доме на Восемьдесят первой улице, по ночам, когда Джонатан либо еще дежурил в больнице, либо уже спал, устав после работы. Генри в это время тоже спал с раскрытой книгой на груди и зажженным ночником. Когда она писала, в опасной близости от клавиатуры стояла кружка с имбирным чаем, а по всей стойке до самой раковины красовались разложенные заметки. С другой стороны расположились старые истории болезни пациентов с кучей закладок в каждой папке. Когда она писала, давно созревшие в голове теории становились похожими на реальность. Потом они превращались в отточенную, авторитетно изложенную реальность, насыщенную мудростью, о существовании которой она

и сама не подозревала, пока не прочитала все, что сама же и написала на бумаге. К заключениям, описанным в книге, она, похоже, пришла еще раньше, чем начала практику психоаналитика пятнадцать лет назад.

(Потому что так ничему больше и не научилась? Или потому что была права уже с самого начала?)

На самом деле Грейс даже не помнила, чтобы училась тому, как нужно выполнять работу психоаналитика. Ну, кроме того, что прилежно выполняла задания в аудитории и практические работы, читала учебники и писала курсовые, защищая все необходимые ученые степени. Грейс всегда знала, как выполнять свою работу. И не помнила, чтобы был момент, когда она чего-то не знала. Она могла бы сразу после школы войти в этот небольшой чистенький кабинет и стать точно таким же профессионалом, каким являлась сейчас. И помогла бы стольким же семейным парам и не допустила бы столько же браков, которые обязательно бы стали в дальнейшем неудачными. Она понимала, что эти знания не делали ее какой-то особенной или даже просто умной и никогда не считала свои способности даром Божиим (Бог был для нее всего лишь объектом исторической, культурной и художественной ценности). Это результат соединения природных данных и полученного образования. Вроде того, как балерина, наделенная талантом от природы, имеет к тому же длинные ноги и родителей, которые готовы водить ее в балетный кружок. По какой-то причине, а скорее всего, вообще без всяких на то причин, у Грейс Рейнхарт-Сакс была склонность к наблюдению за социальным поведением людей, способность строить предположения и делать правильные выводы, а еще выработанное годами умение вникать в суть любого дела в ходе беседы или простого обмена мнениями.

Она не умела петь и танцевать и ничего не понимала в высшей математике. Не играла на музыкальных инструментах, как ее сын, и не спасала умирающих детей, как ее муж. К этим талантам Грейс относилась с трепетом и уважением, но зато она могла сесть рядом с человеком и увидеть, причем очень быстро и с изумительной ясностью, какие ловушки он сам для себя расставил и как ему не попасться в эту западню. А если уж попался — как правило, если он

оказался рядом с ней, значит, уже увяз, — как освободиться из ловушки. И то, что записи вполне очевидных вещей привели в ее ничем не примечательный кабинет журнал «Вог», стало, разумеется, слегка волнующим и одновременно в какой-то степени странным событием. Почему кто-то должен снискать славу и известность только за то, что указал на тот факт, что день сменяет ночь, или что в экономике случаются провалы, или на некое столь же очевидное явление? (Иногда, размышляя о своей книге и о том, что она скажет женщинам, которые собираются ее прочитать, Грейс чувствовала, что ей становится чуть ли не стыдно за себя. Как будто она намеревается выставить на рынок некое чудодейственное средство, которое давным-давно продается в любой аптеке.) И опять же, не надо забывать о том, что существуют вещи, о которых нельзя говорить постоянно или произносить громко вслух.

Несколько недель назад она присутствовала на особом приеме в частном обеденном зале в «Крафте» в компании циничных, но тем не менее профессионально восхищенных книжных агентов, занимающихся заказами статей в средствах массовой информации. Под нежный звон столового серебра Грейс вела беседу о своей книге и отбивалась от провокационных вопросов. Один особенно агрессивно настроенный мужчина в лиловом галстуке-бабочке поинтересовался, чем же книга «Ты же знала, или Почему женщины не слышат того, что говорят их мужчины» отличается от подобных, написанных на ту же тему о личных отношениях. Было вполне очевидно, что угощения от Тома Количчио спасали положение, переводя спор в ничью. Грейс слишком много времени уделила редактору журнала, сидящему рядом с ней (другими словами, он буквально напищал ее рассказами о своем очень дорогом разводе), и к своему великому огорчению, увидела, что официант унес ее тарелку до того, как она успела расправиться с бараньей ножкой. Но как автору обсуждаемой книги ей было неловко попросить его завернуть остатки еды, чтобы забрать их с собой.

Однако в результате после этой трапезы публицист Дж. Колтон занялась планированием предстоящих интервью и выступлений по телевидению. Редактор, переживший очень дорогой развод, обещал поместить

материал о книге в «Мор», а агрессивный мужчина в галстук-бабочке попросил ее выступить для Ассошиэйтед Пресс. Самой Грейс пришлось признать, что дело того стоило, обед удался. Вскоре после этого журнал «Вог» тоже решил опубликовать статью о книге. Как говорится, бал был в полном разгаре.

По просьбе редактора Мод Грейс набросала план статьи о том, почему возникло обыкновение подавать заявление о разводе именно в январе. Тут и праздничный стресс, и новогодняя горячка играют роль, и так далее. А по настоянию Дж. Колтон прошла очень странный курс у специального тренера, занимающегося с работниками средств массовой информации. Она научилась правильно поворачивать и наклонять голову в сторону телеведущего, завоевывать симпатии аудитории в студии, по поводу и без него упоминать название своей книги, при этом, однако, не становясь похожей на самовлюбленного робота (Грейс очень на это надеялась). И, конечно, быть идеальной в своей речи, пересыпанной всевозможными изюминками.

— Редактор прислал мне это пару недель назад, — пояснила Ребекка, положив гранки на столик рядом с коробкой салфеток. — Мне понравилось. А знаете, ведь многие люди ничего подобного и не слышали никогда. «Только не облажайся с самого начала, и тогда у тебя будет не слишком много проблем в ходе всего процесса». Довольно вызывающе. Обычно книги на эту тему пишут в более мягком, осторожном тоне.

Осознавая, что, по сути, интервью уже началось, Грейс, призвала на помощь и нужный наклон головы, и те самые отточенные изюминки в своей речи. Голос, прозвучавший в следующий момент, показался ей совсем не похожим на ее обычную манеру речи, но как нельзя лучше подходившим к данной ситуации. Это было то, что она называла «голос врача».

— Я знаю, о чем вы говорите. Но, если честно, мне думается, что «более мягко и осторожно» нам не сильно помогло. Полагаю, женщины готовы услышать то, что написано в моей книге. Нам не нужно нежное обращение. Мы уже выросли, и если уж облажались, то надо принять правду, а затем прийти к собственным правильным выво-